Реальный текст ЕГЭ по русскому языку 2019. Паустовский «Про поэтическое восприятие»

Часто я спрашиваю себя, когда думаю о занятии литературой: когда же это началось? И как это вообще начинается? Что впервые заставляет человека взять
в руки перо, чтобы не выпускать его до конца жизни?
Труднее всего вспоминать, когда это началось Очевидно, писательство возникает в человеке, как душевное состояние, гораздо раньше, чем он начинает исписывать стопы бумаги. Возникает еще в юности, а может быть, и в
детстве.
В детстве и юности мир существует для нас в ином качестве, чем в зрелые годы. В детстве горячее солнце, гуще трава, обильнее дожди, темнее небо и смертельно интересен каждый человек.
Для детей каждый взрослый кажется существом немного таинственным — будь
это плотник с набором фуганков, пахнущих стружкой, или ученый, знающий, почему трава окрашена в зеленый цвет.
Поэтическое восприятие жизни, всего окружающего нас — величайший дар, доставшийся нам от детства.
Если человек не растеряет этот дар на протяжении долгих трезвых лет, то он поэт или писатель. В конце концов, разница между ними невелика.
Ощущение жизни как непрерывной новизны — вот та плодородная почва, на которой расцветает и созревает искусство.
Когда я был гимназистом, я, конечно, писал стихи, такое множество стихов, что за месяц исписывал толстую общую тетрадь.
Стихи были плохие — пышные, нарядные и, как мне тогда казалось, довольно красивые.
Сейчас я забыл эти стихи. Помню только отдельные строфы. Например, такие:

О, срывайте цветы на поникших стеблях!
Тихо падает дождь на полях.
И в края, где горит дымно-алый осенний закат,
Пожелтелые листья летят…

Но это еще милость. Чем дальше, тем больше я нагромождал в стихах

всяческие, даже бессмысленные, красивости:

И опалами блещет печаль о любимом Саади
На страницах медлительных дней.

Почему печаль «блещет опалами» — этого ни тогда, ни сейчас я объяснить не могу. Просто меня увлекало самое звучание слов. Я не думал о смысле.
Больше всего я писал стихов о море. В ту пору я его почти не знал.
Это не было определенное море — не Черное, не Балтийское и Средиземное, а праздничное «море вообще». Оно соединяло все разнообразие красок, все преувеличения, всю безудержную романтику, лишенную подлинных людей, времени
и реального географического пространства. Тогда эта романтика окружала в моих глазах земной шар, подобно плотной атмосфере.
Это было пенистое, веселое море — родина крылатых кораблей и отважных мореплавателей. Изумрудами горели на его берегах маяки. В портах ключом бурлила беззаботная жизнь. Смуглые женщины неслыханной прелести были ввергнуты по моей авторской воле в кипение жестоких страстей. В стихах и неясном волнении прошла большая часть моей бедной и по
существу довольно горькой молодости.
Вскоре я бросил писать стихи. Я понял, что это мишура, цветы из хорошо раскрашенных стружек, сусальная позолота.
Вместо стихов я написал свой первый рассказ. У него была своя история.